

УДК 316.334:316.46:141.333.5

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/102/91>

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

©Нусубалиева Е. Ш., канд. пед. наук, Кыргызский государственный
университет им. И. Арабаева, г. Бишкек, Кыргызстан

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF CIVIL IDENTITY FORMATION

©Nusubaliev E., Ph.D., Kyrgyz State University named after I. Arabaev
Bishkek, Kyrgyzstan

Аннотация. Сегодня перед Кыргызской Республикой остро стоит вопрос формирования устойчивых оснований консолидирующей общество гражданской идентичности. Решение этого вопроса проходит в условиях кризиса идентичности, вызванного не только глобальными процессами, но также распадом прежнего общества. Этим определяется необходимость разработки философско-методологических основ и социально-философской рефлексии процессов, происходящих в сфере кыргызстанской гражданской идентичности, что также обуславливают правомерность научного поиска в выбранном направлении. В данной статье рассмотрены теоретические и методологические подходы и проблемы в изучении гражданской идентичности и факторов ее формирования в обществе.

Abstract. Today, the Kyrgyz Republic faces the acute question of forming sustainable foundations for consolidating societal civil identity. Addressing this issue occurs amidst an identity crisis, caused not only by global processes but also by the dissolution of the previous society. This necessitates the development of philosophical and methodological foundations and socio-philosophical reflection on the processes occurring in the sphere of Kyrgyz civil identity, which also justifies the legitimacy of scientific inquiry in the chosen direction. This article examines theoretical and methodological approaches and problems in studying civil identity and the factors influencing its formation in society.

Ключевые слова: идентичность, гражданская идентичность, гражданское общество, «кыргыз жараны».

Keywords: identity, civil identity, civil society, "Kyrgyz zharany".

В нынешних условиях глобализации разрушаются некогда прочные основания идентичности. Очевидно, что снизилось не только влияние государственной идеологии на процесс формирования идентичности, но также снижается влияние семьи, «групп интересов», этнической культуры, религии. Образовался «идеологический вакуум», а среди молодежи, формируются различные идентичности, в том числе идентичности, которые граничат с религиозным фанатизмом. Есть межпоколенческие различия в понимании идентичности между старшим и молодым поколениями. Вместе с тем, наблюдается и противоположная тенденция — в поисках надежной опоры существования в динамичном,

нестабильно развивающемся мире человек обращается к идеям группового или классового превосходства, к догматам религии или к учению секты, к этно-архаическим традициям или к националистическим лозунгам. При этом защита избранной идентичности, нетерпимость к носителям социально-групповых, классовых, этнических, религиозных, национальных различий становится источником социальных конфликтов. В глобализирующемся мире проблема ненасильственного, конструктивного взаимодействия людей, отличающихся друг от друга, также приобретает особую значимость. Преодоление такого кризиса и формирование гражданской идентичности объявляется в качестве важнейшей задачи политики кыргызстанского государства. Основные направления такой политики утверждены с принятием официального документа — Концепции развития гражданской идентичности — Кыргыз жараны в Кыргызской Республике на период 2021-2026 годы (В редакции Указа Президента КР от 15 мая 2023 года УП №124) (<https://kurl.ru/gocVL>), которая является, как утверждают авторы документа, логическим продолжением Концепции укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике на 2013-2017 гг (<https://kurl.ru/QmmFM>). Концепция также, как и реализуемая в настоящее время Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 год (<https://kurl.ru/ojlfm>), нацелена на формирование единого сообщества граждан Кыргызстана — Кыргыз жараны, независимо от культурных, этнических и религиозных отличий объединенных стремлением укрепления суверенитета страны и ее благополучия.

Однако, пока формирование гражданской идентичности личности осуществляется «сверху», пока развитие гражданского общества инициируется государством, гражданин *de jure* так и не превращается в гражданина *de facto*. В нынешней Кыргызской Республике гражданин является носителем гражданских прав и обязанностей, но вопрос о том, что значит быть гражданином и как им стать, для личности остается открытым. Проблема усложняется отсутствием как философско-методологической основы официальных документов, так и социально-философской рефлексии процессов, происходящих в пространстве гражданской идентичности, особенно в сфере воспитания кыргызстанской молодежи. Необходимость разработки философско-методологической базы в понимании природы и сущности гражданской идентичности очевидны. Такая необходимость особенно очевидна в сфере гражданского воспитания молодежи. Прежние ценностные основания гражданского воспитания, базирующиеся на классических механизмах передачи знаний предшествующих поколений для социализации молодому поколению, в условиях перехода к либеральным ценностям, утратили универсальный смысл. Однако, новые основы системы гражданского воспитания и формирования гражданских качеств еще не создана. Этим определяется необходимость разработки философско-методологических основ и социально-философской рефлексии процессов, происходящих в сфере кыргызстанской гражданской идентичности, что также обуславливают правомерность научного поиска в выбранном направлении. Социально-философские подходы и философско-методологические основы, имеющих, несомненно, эвристическое значение для исследования социальных параметров формирования гражданских установок и качеств кыргызстанской молодежи, в определенной мере влияет на редукцию исследуемой проблемы к описанию социальных детерминант, связывающей индивидуальное бытие с внешними социальными формами, что делает обоснованной актуализацию предпринимаемого исследования в данном параграфе.

Цель исследования — рассмотреть теоретические и методологические подходы и проблемы в изучении гражданской идентичности и факторов ее формирования в обществе.

Теме гражданской идентичности в социально-философской науке уделено достаточно много внимания. В целом проблемы социальной идентификации индивида изучались

социальными философами, психологами и социологами. Такие термины как «идентичность» и «гражданская идентичность» в современной гуманитарной науке широко используются философами, социологами, психологами, историками, политологами, этнографами, а также другими научными дисциплинами. В теоретической разработке этих концепций приняли участия ученые, внесшие вклад в развитие научных знаний самых разных отраслей. Большую работу, связанную с исследованием феномена идентичности, за рубежом проделали представители антропологической школы; возросший интерес эта тема вызвала у разработчиков этнометодологии. Внимательное изучение их научных трудов крайне актуально, потому что именно представленные ими идеи может стать методологической для дальнейшей плодотворной работы в этой области. Далее рассмотрим философско-методологические подходы к исследованию идентичности в современной социальной философии и социологии. Если рассмотреть как решается данная проблема в «понимающей» социологии М. Вебера, то стоит обратить внимание на его теории социального действия, исходным пунктом которой становится утверждение, что «социальным» является «то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других» людей [1].

В соответствии с этим структура социального действия непременно характеризуется двумя компонентами: 1) субъективной мотивацией, без учета которой нельзя говорить ни о каком человеческом действии, и 2) ориентацией на других, без которой действие не может рассматриваться как социальное. Но чтобы понять мотивы действия других людей, нужно быть в состоянии поставить себя на их место, т.е. уподобиться им или отождествить себя с ними. Таким образом, понимание напрямую сопряжено с отождествлением индивида с другим или другими, которое, в свою очередь, основывается на ожидании «экспектации», что другой или другие готовы проделать то же самое. У М. Вебера можно также найти очень важный, но редко воспроизводимый тезис о том, что наличие общей цели, объединяющей людей в нацию, выливается, в конечном счете, в стремление создать собственное государство. При этом в понимание государства он вводит, как и в другие свои концепции, нормативно-ценностный аспект. «Если мы зададим вопрос, – пишет Вебер, – что в эмпирической действительности соответствует идее государства, то обнаружим бесконечное множество диффузных и дискретных действий, и пассивных реакций, фактически и юридически упорядоченных связей, либо единичных по своему характеру, либо регулярно повторяющихся; связей между людьми, объединенными верой в действительно значимые нормы» [1].

Кроме того, идеи, содержащиеся в работах немецкого ученого, помогают структурировать эмпирический материал и выявить те направления анализа, которые могут способствовать адекватному рассмотрению связей гражданской идентичности и межэтнических установок, присутствующих в коммуникативном процессе. Создание всеохватывающей и глубоко разработанной коммуникативной концепции связано прежде всего с научными изысканиями К. Дейча, в которых ученый приходит к выводу, что объединению социальных групп на межнациональном и межкультурном уровне (а, следовательно, процессу их идентификации) способствует увеличение объемов и разнообразия связей, контактов и обменов между ними. Важно то, что созданный ученым коммуникативный подход ориентирует исследователей на включение в рассмотрение разнообразных контактов между людьми. Дейч стал также разработчиком информационной концепции наций, которые являются сообществами, скрепляющими входящих в них членов «общими представлениями» и «общей нелюбовью к своим соседям» [2].

Функциональная, а затем неофункциональная концепции, которые были созданы соответственно Б. Малиновским и А. Редклифом-Брауном (в 1920–1930-х гг., а также Т.

Парсонсом и его последователями в 1950–1960-х гг.), основываются на положениях, утверждающих, что фундаментальные предпосылки интеграции определяются местом и ролью этнополитических факторов, стимулирующих социальные взаимодействия, а также теми функциями, которые обуславливают жизненно важные интересы участников интеграции и вытекающие из них ценностные предпочтения. Создатель структурного функционализма Т. Парсонс выбрал весьма своеобразную стратегию разработки своей теории, пытаясь взять и синтезировать все рациональное, что, по его мнению, имелось в концепциях, разработанных его предшественниками. Это, в конечном счете, должно было снять непримиримость таких альтернатив, как «волютаризм – детерминизм», «субъективизм – объективизм», «номинализм – реализм». «Поскольку для американского социолога важнейшей была проблема порядка, то анализ упорядоченной структуры общества стал иметь для него первостепенное значение, а всякого рода изменения — второстепенное» [2].

Исходя из того, что социальная система есть не что иное, как совокупность взаимодействующих акторов, Парсонс выделяет ее четыре основных функции: 1) адаптацию, 2) целедостижение, 3) интеграцию и 4) поддержание ценностного образца. На основе этих функций им вычленяются четыре структуры социальной системы, наиболее значимой среди которых является сфера культуры: «В этой сфере создается и сохраняется нормированная культурная традиция, разделяемая в той или иной степени всеми членами общества и передаваемая от поколения к поколению через процесс обучения, а не через биологическую наследственность. В нее включаются организованные системы структурированного, или институционализированного, взаимодействия между большим числом индивидов» [3].

Применительно к теме нашего исследования в этом пассаже подчеркивается, что социальная идентичность входящих в состав общества индивидов определяется культурными традициями, передающимися из поколения в поколение посредством обучения, которое носит институционализированный характер. Особо выделяется роль культурного компонента в деле интеграции социума и способности его воспроизводить свои структуры на протяжении долгого периода. Одной из важных тем исследований, проводимых Парсонсом, были изменения, наблюдаемые в институте гражданства в XX в. Анализируя эволюцию, касающуюся членства в «социетальном сообществе», американский социолог формулирует заключение о том, что на смену «подданству», характерному для традиционного общества, в современном западном обществе приходит «гражданство» в качестве нового типа «социетального членства людей». Этот процесс, согласно Парсонсу, включал в себя три фазы. «На первой фазе произошло создание юридических или гражданских рамок, совершенно по-новому определивших пограничные отношения между социетальным сообществом и правительством или “государством”» [3].

Что касается второй фазы развития гражданства, то она по большей части была связана с принятием участия граждан в общественных делах. С другой стороны, параллельно шел процесс принятия на себя ответственности обществом за благосостояние граждан, за то, чтобы им был обеспечен некий прожиточный минимум, получен доступ к образованию и здравоохранению. Этот процесс подвел к развитию третьей фазы гражданства, где доминирует «социальный» компонент. При этом наблюдается следующая закономерность: «Если гражданские права и избирательное право дают возможность автономно реализовать свой гражданский статус, то социальный компонент связан с созданием реальных условий для лучшего пользования этими правами» [3].

Применяя эту периодизацию к развитию института гражданства в нашей стране — Кыргызской Республике, можно сказать, что страна находится все еще на первой фазе, поскольку в нашем обществе не утвердился приоритет прав и свобод личности, а

государство, будучи по многим параметрам бюрократическим, не достигло той степени зрелости, когда оно готово было бы стать на защиту указанных в Конституции прав и свобод.

Структурный функционализм Парсонса подвергся суровой критике не только извне, но также изнутри, со стороны Д. Александера и П. Коломи, которые модифицировали его концепцию и назвали ее неофункционализмом. Базовыми методологическими принципами неофункционализма, имеющими существенное значение, в том числе и для разработки проблем идентичности, стали: 1) отказ от однофакторного детерминизма и утверждение плюралистического характера взаимодействия всех элементов социальной структуры; 2) обращение одинакового внимания как на действие (изменчивость), так и на упорядоченность (устойчивость); 3) сохранение интереса к интеграции, но не как к своего рода свершившемуся факту, а как к некоей возможности; 4) исследование проблемы равновесия (устойчивости) систем в более широком плане, чем это делалось прежде; 5) сосредоточение внимания не только на состоянии уравниваемости систем, но и на присущих им конфликтных состояниях [4].

В прояснении специфики гражданской идентичности важную методологическую роль играет анализ понятия гражданства, проведенный немецким философом и социологом Ю. Хабермасом. По его мнению, гражданство берет свое начало с политического самоопределения и суверенитета народа, и в этом смысле оно по сути дела не зависит от этнической идентичности. В отличие от национальной принадлежности (в этническом смысле), которая имеет в своей основе общность происхождения, общие традиции и язык, гражданскую идентичность характеризует наличие политической целостности и суверенитета народа. Гражданство, согласно немецкому социологу, приобретает демократическим путем на основе свободного волеизъявления, а не наследуется фактом рождения и не может быть передано в качестве некоторого родового состояния. При этом понимание гражданства у Хабермаса предстает более широким в смысловом отношении, чем традиционное «юридическое подданство», т.е. как просто принадлежность конкретных лиц к определенному государству. Характерными чертами гражданства в его современном понимании, согласно немецкому социологу, являются свободное и добровольное членство индивидов, выражающее их принадлежность к государству или более широкому политическому сообществу, непременно связанное с правом на собственный выбор и самоопределение, предполагающее более или менее постоянное участие в общественно полезной деятельности при наличии самых разнообразных форм реализации гражданских прав. В этой связи Хабермасом представлены две модели гражданства – коммунитаристски-этактическая (описанная впервые Аристотелем) и либеральная (у истоков которой стоял Дж. Локк). Согласно первой модели, индивиды интегрируются в политическое сообщество как части в целое, что находит свое выражение не в отношениях индивидуального членства, а в коллективных практиках самоопределения, в процессе которых каждый осуществляет свои усилия по поддержанию общественного консенсуса и коллективного единства. Особенность второй (либеральной) модели состоит в том, что обретение идентичности со стороны граждан осуществляется не на основе неких этнически-культурных сходств, но «в практике граждан, которые активно используют свои демократические права на участие и коммуникацию» [5].

Согласно второй модели гражданство оказывается напрямую связанным и подкрепленным «социальным участием в разнообразных видах общественно полезной активности, наличием множества моделей и форм актуализации гражданских прав» [11].

Это означает, что превращение индивида в гражданина возможно лишь путем осуществления (реализации) повседневных гражданских практик, коренным образом

отличающихся от подданнических. В методологическом плане при исследовании разных видов идентичности неоценимую помощь могут оказать труды представителей социологического конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана [6, 7], в которых обосновывается мысль о том, что в значительной степени человек сам конструирует окружающую его социальную действительность на основе собственной мотивации, присущих ему интеллектуальных и личностных возможностей и, наконец, свойственной ему пассионарности. Заслуга этих ученых состоит в том, что они раздвинули границы личностной активности индивидов в процессе их социализации, особо подчеркивая, что последняя в подлинном смысле творческий процесс, посредством которого человек создает не только некий субъективный образ мира, но и в какой-то мере творит саму окружающую его реальность. И, более того, его личностной индивидуальностью определяются границы его активности в области социализации и вариативность этого процесса.

С другой стороны, не меньшей методологической значимостью обладают исследования в области социальных представлений, проведенные французским психологом и социологом С. Московичи. Опираясь на труды Г. Лебона, этот ученый продолжает исследовать механизмы массового внушения и эмоционального заражения, в результате действия которых личность полностью нивелирует свои индивидуальные свойства и без остатка растворяется в массе, утрачивая волю к критическому мышлению и способность нести ответственность за свои действия. По мнению Московичи, «основной характерной чертой толп является слияние индивидов в единые разум и чувство, которые затушевывают личностные различия и снижают интеллектуальные способности. Каждый стремится походить на ближнего, с которым он общается. Это скопление своей массой увлекает его за собой, как морской прилив уносит гальку. При этом все равно, каков бы ни был социальный класс, образование и культура участвующих» [8].

Это не что иное, как состояние полной утраты собственной идентичности, аннигиляции собственного «Я», которое грозит полным разрушением личности. Значительно расширяет методологические возможности гуманитарного познания, в частности того, что касается проблем идентичности, этнологический структурализм К. Леви-Строса. Леви-Строс исходит из постулата, гласящего, что человека нельзя понять, абстрагируясь от его связи с человечеством. Но чтобы увидеть человечество в его целостности, необходимо на него посмотреть как бы издали, т.е. обозреть весь пройденный им путь исторического развития. А сам вектор направленности человеческой истории можно уяснить, только посредством соединения различных временных точек, каковыми являются прошлое, настоящее и будущее. «Интерес... к прошлому, – подчеркивает в этой связи Леви-Строс, — на самом деле есть лишь интерес к настоящему; прочно связывая настоящее с прошлым, мы надеемся придать ему большую устойчивость, укрепить настоящее, с тем и чтобы помешать его бегу и превращению в прошлое» [9]. И чем больше людей включено в коммуникативное пространство, тем глубже они «заглядывают» в историю и тем самым включаются в связь времен. Леви-Строс неоднократно указывал на то, что «...никакая часть человечества не может понять себя иначе, как через понимание других народов» [9]. Отсюда лучшим средством преодоления нетерпимости в отношении народов друг к другу является межкультурный диалог и их стремление и желание быть полезными в ситуации сопоставления, разнообразия и взаимодействия. Именно в этом межкультурном диалоге формируются знание и умение, способствующие переходу культур от разделяющей их отчужденности к интегративной вовлеченности. При встрече с незнакомой культурой люди фиксируют только ее наиболее общие родовые признаки, и поэтому им поначалу все в ней видится единообразным. Этим объясняется то, почему лики китайцев, японцев и

африканских или австралийских аборигенов на первых порах кажутся европейцам однообразными, т.е. все они предстают как бы «на одно лицо». Но по мере приобщения к их культурам и развития межкультурных связей постепенно открываются детали, которых ранее не замечали. При этом в ходе познания друг друга и сближения с людьми разных рас и национальностей все сильнее обозначаются их внутрисоциальные особенности и, напротив, все больше отмечается общее в их столь не сходных на первый взгляд культурах. Исходя из этого французским антропологом и социологом постулируется следующая закономерность: в межкультурном диалоге, происходящем между сильно различающимися сообществами, постепенное осознание сходств во внешних отношениях с другой культурой находится в обратно пропорциональном отношении к осознанию различий в их внутрикультурной среде. Короче говоря, если культуры по существу не различаются, то они никогда не имеют тяготения друг к другу.

Таким образом, в структурной антропологии Леви-Строса межкультурная коммуникация является не только способом самоидентификации, но и дифференциальной интеграции народов. Сближаясь через диалог и социальное взаимодействие, культуры не только лучше узнают друг друга, но и самоидентифицируют себя, пробуждая друг в друге стремление к миру и сотворчеству. Напротив, насильственное стирание культурных различий даже между близкими друг к другу по крови и менталитету народами и потеря одним из них идентичности в силу идеологических или политических причин могут привести к серьезным конфликтам и даже войнам. Когда между соседними культурами стирание различий доходит до критических значений, т.е. когда, иначе говоря, возникает «кризис различий», культура, которая чувствует себя ущемленной, встает на борьбу за свою идентичность и может защищать себя, используя все возможные способы, в том числе и вооруженное сопротивление и военные действия. И все это делается народом для того, чтобы обрести вновь различия и собственную культурную идентичность. Несмотря на то, что антропологический структурализм Леви-Строса подвергался жесткой критике, особенно в отечественной философии и социологии, ряд идей, содержащихся в этой доктрине, бесспорно являются в методологическом плане плодотворными: это мысль о необходимости диалога между носителями разных культур, разработка теории культурной коммуникации как способе преодоления онтологического раскола и одиночества, а также защита культурного разнообразия при подчеркивании приоритета различий над однообразием. Не случайно поэтому французского этнолога и антрополога по праву считают подлинным создателем современного мультикультурализма. Большой вклад в понимание того, как формируется идентичность человека в современном обществе, внес британский социолог Э. Гидденс. Широкую известность ему принесла книга «Устроение общества», в которой была разработана теория структуризации. Под структуризацией ученый подразумевает процесс оформления социальных систем, т.е. процесс оформления общества, где формальными составляющими выступают социальное действие и социальная структура, включающая в себя социальные институты. Важным элементом теории структуризации, по Гидденсу, является рутинизация. «Рутинизация, — пишет он, — обеспечивает целостность личности социального деятеля в процессе его (ее) повседневной деятельности, а также является важной составляющей институтов общества...» [10].

На основе этого в традиционном обществе почитались прошлое и древние обычаи, которые аккумулировали в себе опыт предшествующих поколений и помогали воспроизводить его. В современном же обществе эпохи *modernity* общественные институты отличаются своим динамизмом, который разрывает традиционно существовавшие связи и отношения. Это коренным образом преобразует природу повседневной жизни людей и

связанные с нею практики. В результате некогда целостный мир фрагментируется, все становится шатким и неустойчивым, подверженным постоянному риску. И это оказывает существенное влияние на конструирование индивидом своей идентичности, а точнее, самоидентичности. Эпоха *modernity* характеризуется тем, что «Я» индивида становится непрочным, хрупким и ломким, расколотым и фрагментированным, подверженным нарциссизму. Последний, однако, не следует смешивать в обыденным самолюбованием. Нарциссизм современного индивида характеризуется тем, что тот относит все внешние события к нуждам и желаниям его самого, будучи озабоченным лишь вопросом о том, «что сие означает для меня». Это влечет за собой постоянный и гипертрофированный поиск самоидентичности, но данный поиск становится фрустрированным, ибо постоянная озабоченность тем, «кто я есть», становится проявлением нарциссической поглощенности собой, а не реально осуществляемым поиском установления взаимосвязей с окружающим миром. Сфокусированность индивида на личном свободном выборе порождает в его сознании проблему экзистенциального сомнения и ощущение онтологической ненадежности и нестабильности. Для того чтобы подавить это экзистенциальное сомнение и установить онтологическую безопасность, индивид стремится создать свой собственный «стиль жизни», который уже оказывается основанным не на его свободном выборе, как это ему, может быть, кажется, а на стандартах, навязываемых СМИ, которые предлагают способы деятельности и поведения посредством советов и инструкций ангажированных экспертов, в пику непосредственной передаче опыта от одного поколения к другому в семье, как это было в традиционном обществе. Описание процессов формирования идентичности (самоидентичности) индивида в современную эпоху, как оно представлено в концепции Гидденса, содержит в себе четыре момента. «Во-первых, унификация и фрагментация, поскольку рефлексивный проект “Я” инкорпорирует многочисленные контекстуальные события и формы опосредованного опыта, через которые должен быть начерчен “курс дальнейшего продвижения”. Во-вторых, бессилие и присвоение: варианты стиля жизни, которые стали доступными, предлагают множество возможностей для присвоения, но и порождают чувство бессилия. В-третьих, авторитет и неопределенность: в условиях, когда нет никаких конечных авторитетов, рефлексивный проект “Я”, чтобы справиться с состоянием неопределенности, должен самостоятельно опираться на то, что им будет выбрано как авторитетное в данный конкретный момент. В-четвертых, персонализированный опыт: нарратив “Я” должен быть сконструирован в условиях, в которых на отдельного индивида влияют стандартизирующие образцы» [10].

Концепция Гидденса является важным методологическим подспорьем для исследователей, занимающихся рассматриваемой нами проблемой, ибо в ней высвечена вся противоречивость процесса формирования идентичности индивида в современную эпоху. Исследование вопросов идентичности является актуальным вопросом, рассматриваемым в социально-гуманитарных науках Кыргызстана. Специально на разработку социологического аспекта этой темы была посвящена диссертация С. Камчибековой «Состояние и перспектива гражданской идентичности в социологическом аспекте». В целом, к числу ученых, обратившихся к вопросам национальной идентичности, национального сознания, этнической идентичности кыргызского народа. Проанализировав труды об идентичности кыргызов, в том числе о системе гражданской идентичности, написанные в различных отраслях науки, можно выделить следующие основные ступени: первая ступень, ступень коллективной идентичности при формировании цивилизации кочевников (номадов). Вторая ступень — формирование и развитие единой советской системы культуры. Третья ступень — первые 10-15 лет после получения кыргызским обществом независимости. Четвертая ступень —

возвращение к истокам для формирования идентичности кыргызского общества. Опираясь на исследования местных ученых можно сказать: (1) в кыргызском обществе сохранилась родовая и традиционная идентичность; (2) идентичность кыргызского общества начиная с 1990 года по сегодняшний день переживает время становления; (3) как основные причины несформированности социокультурной и гражданской идентичностей кыргызов можем назвать: отсутствие единой идентичности.

В заключение следует отметить, что в ходе работы был рассмотрен широкий спектр концепций, разработанных современными учеными гуманитариями, в которых с разных методологических позиций была исследована проблема формирования гражданской идентичности и связанные с ней трудности. Проанализированы основные понятия, которыми оперировали наиболее крупные ученые этого периода. Представленный обзор литературы и направлений исследований свидетельствует о том, что социо-гуманитарной наукой накоплен обширный опыт изучения этого вопроса. Подытоживая проведенный выше анализ, можно сказать, что гражданская идентичность определяется, во-первых, как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющей для индивида значимый смысл; и во-вторых, как феномен надындивидуального сознания, признак (качество) гражданской общности, характеризующий эту общность как коллективный субъект. Эти два определения не взаимо-исключают друг друга, а акцентируют внимание на различных аспектах гражданской идентичности: со стороны индивида и со стороны общности. Гражданская идентичность фиксирует единство интересов индивида с гражданской общностью, а также позволяет оказывать влияние на гражданское сообщество. Структура гражданской идентичности предполагает формирование следующих структурных компонентов: когнитивный (познавательный), эмоционально-оценочный (коннотативный), ценностно-ориентировочный (аксиологический), поведенческий. Понятие «гражданская идентичность» синонимично понятию «национальная идентичность» в тех случаях, когда последнее рассматривается в рамках подхода к нации как согражданству. В случае подходов нации как определенному этапу развития этнической общности понятия «гражданская идентичность» и «национальная идентичность» не тождественны.

В разных научных дисциплинах гражданская идентичность понимается несколько по-разному. Социальные психологи подразумевают под ней главным образом самоотождествление — «кто мы?». Философов, историков, в ряде случаев социологов интересует, «какие мы?». Таким образом, речь идет о более узкой или более широкой трактовке. И те, и другие исследователи чаще всего опираются на концепции, выработанные социальными психологами, — прежде всего работы Э. Эриксона, который понимал идентичность как самоотождествление, имеющее социально-культурную основу, и пришел к выводу, что идентичность связана с идеологией. Это было очень важно, так как ориентировало на изучение механизма формирования идентичности. Вы рассмотренных работах Г. Тэджфела и Д. Тернера, которые обратили наше внимание на то, что в основе социального восприятия человека лежит категоризация. Это тоже важно, поскольку связано с ролью государства в создании символов, идеологий. В этом исследователи бесспорно соглашались. Все принимают подходы Д. Г. Мида о том, что идентичность формируется во взаимодействии с другими людьми. Рассматривается и изучается вопрос: как определять гражданскую идентичность? Есть два представления. Например, гражданская идентичность в одних случаях рассматривается как о лояльности к государству, а в других — это «солидарность и повседневная лояльность, чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим». То есть в определении фигурирует уже не только государство, но и общность — народ. В ряде работ подчеркивается важность различения государственной

и гражданской идентичностей, что соотносится с одним из современных пониманий гражданства. В этом случае гражданская идентичность, в отличие от государственной и тем более этнической идентичности, не подразумевает единой культуры, одной ценностной ориентации или мифической «национальной территории».

Гражданская идентичность обычно бывает связанной с государственной идентичностью. Очевидно, если проанализируем официальные документы, концепции гражданской идентичности Кыргызской Республики то приходим к выводу, что гражданская идентичность рассматривается как государственно-гражданская идентичность. Гражданская идентичность – показатель консолидации общества, солидарности общественных сил, определенное условие целостности государства. Поэтому интерес к ее изучению не угасает. Не только в нашей стране, но и другие страны ведут поиски своей идентичности. Среди факторов становления и поддержания коллективной субъективности гражданской общности наиболее значимы: 1) общее историческое прошлое (общая судьба); 2) самоназвание гражданской общности; 3) общий язык, являющийся средством коммуникации и условием выработки разделяемых смыслов и ценностей; 4) общая культура (политическая, правовая, экономическая), построенная на определенном опыте совместной жизни; 5) переживание данным сообществом совместных эмоциональных состояний, особенно связанных с реальными политическими действиями. Наличие своей символики обеспечивает универсальные средства коммуникации внутри данной общности, становясь идентифицирующим фактором. Кроме того, символ является материализованным носителем идеи единства, целостности и обладает способностью обеспечивать мотивацию совместных действий. Он отражает значимые для общности ценности и образы. Интегральным показателем гражданской идентичности является образ место проживания и рождения, в котором концентрируется и обобщается все, что связано с жизнью гражданской общности.

При формировании гражданской идентичности каждый человек отождествляет себя с государством, которое на некой территории является самым главным субъектом. В то же время мы видим, что не всегда прослеживается позитивная идентификация с Кыргызской Республикой как с государством или кыргызским гражданским обществом. Как показывает история, смена гражданской идентичности может сопровождаться сильным кризисом и его формирование требует глубоких социо-гуманитарных научных исследований. Рассматривая вопрос о возможностях конструирования гражданской идентичности, стоит отметить, что речь идет о двух разных подходах. Первый сводится к тому, что идентичность — данность, которую ни выбрать, ни поменять нельзя. Другой подход — прямо противоположный — заключается в том, что идентичность является конструктом и возможно ее создание на базе некоего проекта. Например, канадский опыт также свидетельствует о том, что сконструировать идентичность можно [11]. Другое дело, что «конструкторы» ограничены в своих действиях, вынуждены учитывать ту среду, в которой их «конструкция» идентичности будет существовать.

Изучив современные представления в социо-гуманитарной науке о сущности понятия «гражданская идентичность», можно сделать вывод о том, что в основе гражданской идентичности лежит идентификация с обществом, государством и страной. Гражданская идентичность сплачивает население, является цементирующей основой социальной интеграции. Строительство кыргызстанской гражданской идентичности важно для сохранения единства нашей страны, чтобы она не раскололась на различные группировки по религиозным, этническим и т.п. признаками, а, сплотившись, сохранив свое культурное богатство – этноразнообразие, заняла свое достойное место в изменяющемся мире.

Список литературы:

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 626 с.
2. Deutsch K. Nationalism and Its Alternatives, New York: Knopf. 1969. P. 3.
3. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997.
4. Александер Д., Коломи П. Неофункционализм сегодня: восстанавливая теоретическую традицию // Социологические исследования. 1992. №10. С. 117-118.
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. 214 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
7. Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М., 1996.
8. Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 108 с.
9. Леви-Строс К. Мифологии: Человек голый. М.: Флюид, 2007. 575 с.
10. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2005. 111 с.
11. Зазнаев О. И. Канадская национальная идентичность: проблемы формирования // Ученые записки казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2012. Т. 154. №1. С. 226-233.

References:

1. Veber, M. (1990). *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow. (in Russian).
2. Deutsch, K. (1969). *Nationalism and Its Alternatives*, New York: Knopf. 3.
3. Parsons, T. (1997). *Sistema sovremennykh obshchestv*. Moscow. (in Russian).
4. Aleksander, D., & Kolomi, P. (1992). *Neofunksionalizm segodnya: vosstanavlivaya teoreticheskuyu traditsiyu*. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), 117-118. (in Russian).
5. Habermas, Yu. (1995). *Demokratiya. Razum. Nравstvennost'*. Moscow. (in Russian).
6. Berger, P., & Lukman, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti*. Moscow. (in Russian).
7. Berger, P. (1996). *Priglaseniye v sotsiologiyu: gumanisticheskaya perspektiva*. Moscow. (in Russian).
8. Moskovichi, S. (1996). *Vek tolp*. Moscow. (in Russian).
9. Levi-Stros, K. (2007). *Mifologiki: Chelovek golyi*. Moscow. (in Russian).
10. Giddens, E. (2005). *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii*. Moscow. (in Russian).
11. Zaznaev, O. I. (2012). *Kanadskaya natsional'naya identichnost': problemy formirovaniya*. *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki*, 154(1), 226-233. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 07.04.2024 г.*

*Принята к публикации
16.04.2024 г.*

Ссылка для цитирования:

Нусубалиева Е. Ш. Философско-методологические основы формирования гражданской идентичности // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. №5. С. 662-672. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/102/91>

Cite as (APA):

Nusubalieva, E. (2024). Philosophical and Methodological Foundations of Civil Identity Formation. *Bulletin of Science and Practice*, 10(5), 662-672. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/102/91>